

ПСИХОЛОГИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ
ЯВЛЕНИЙ

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ

ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

А. Л. Журавлев, В. А. Соснин, Д. А. Китова,
Т. А. Нестик, А. В. Юревич

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Психология социальных явлений

Анатолий Журавлев

**Массовое сознание и поведение.
Тенденции социально-
психологических исследований**

«Когито-Центр»

2017

УДК 159.9
ББК 88

Журавлев А. Л.

Массовое сознание и поведение. Тенденции социально-психологических исследований / А. Л. Журавлев — «Когито-Центр», 2017 — (Психология социальных явлений)

ISBN 978-5-9270-0360-0

Работа посвящена острой проблеме современного мира – трансформации психологии массового сознания и поведения людей в условиях глобальных процессов, а также новым социально-психологическим технологиям воздействия на массовое сознание и поведение. Авторы проводят анализ основных составляющих проблемы, раскрывают макропсихологические, групповые и личностные факторы массового сознания и поведения, анализируют глобальные угрозы современного общества, рассматривают некоторые тенденции социально-экономического развития российского общества как исторического субъекта современной геополитики и т. д. Предлагаются механизмы и средства социально-психологического воздействия на массовое сознание и поведение людей, в том числе и через феномен качества жизни как одного из перспективных факторов социально-экономического развития.

УДК 159.9

ББК 88

ISBN 978-5-9270-0360-0

© Журавлев А. Л., 2017
© Когито-Центр, 2017

Содержание

Массовое сознание и поведение как объекты исследования в социальной психологии (вместо введения)	6
Раздел 1	15
Глава 1	15
Глава 2	25
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

**Анатолий Журавлев, Вячеслав
Соснин, Джульетта Китова,
Тимофей Нестик, Андрей Юревич**
**Массовое сознание и поведение: Тенденции
социально-психологических исследований**

Российская академия наук
Институт психологии

Рецензент:

доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН,
профессор *А. В. Сухарев*

© ФГБУН «Институт психологии РАН», 2017

Массовое сознание и поведение как объекты исследования в социальной психологии (вместо введения)

Проблема массового сознания и поведения больших социальных групп входит в круг актуальных социально-психологических исследований, проводимых Институтом психологии РАН, результаты которых публикуются в издательской серии «Психология социальных явлений». В данном круге находится множество работ, которые, во-первых, вскрывают новые социально-психологические тенденции развития российского общества, во-вторых, обобщают и анализируют инновации в отечественной и зарубежной психологии в исследуемых проблемах. Эта монография не стала исключением. В ней представлены современные тенденции социально-психологического анализа массового сознания и поведения, исследуются социально-психологические факторы их трансформации, поднимается вопрос о сущности и источниках социально-психологической напряженности и психологической безопасности современного общества, делается попытка осмысления современных психологических технологий, механизмов и средств воздействия на массовое сознание и поведение, способных консолидировать общество на взаимовыгодной и долгосрочной основе.

Основная цель монографии – разрешение вопроса: что может предложить психологическая наука (особенно социальная и политическая психология) для позитивного воздействия на функционирование больших социальных групп в динамично изменяющихся условиях развития общества?

В поисках ответа на этот вопрос к психологической науке часто обращаются властные структуры государства, представители законодательных и исполнительных органов разных уровней, которые остро нуждаются в новых принципах, методах и приемах воздействия на массовое сознание и массовое поведение. В условиях демократизации общества и трансформации общественно-политической системы России такое обращение, конечно же, является предсказуемым и закономерным. В эпоху социализма, которую либеральные исследователи и публицисты называют эпохой авторитарной системы управления, в качестве инструмента управления массами нередко использовались силовые методы. Силовые методы управления массовым поведением, выходящим за рамки нормативных требований (беспорядки, бесчинства фанатов, межэтнические столкновения и т. п.), и в настоящее время являются нормальной практикой в рамках законности. Тем не менее, как отмечает Е. Б. Шестопал, «главное отличие нынешней ситуации от ситуации, характерной для традиционной политической культуры России, состоит в том, что власть сегодня не может рассчитывать исключительно на силовые приемы» (Шестопал, 2002, с. 15).

В политической истории нашего государства уже накопился определенный опыт использования его властными структурами психологических принципов управления массовым поведением, в том числе и стихийным. В частности, еще в советский период истории нашей страны велись психологические исследования по данной проблематике с целью решения конкретных социально-политических задач не силовыми методами (Назаретян, 2001). При международном отделе ЦК КПСС существовал Институт общественных наук, который проводил эффективную теоретическую и практическую подготовку кадров для управления массовым поведением людей. В советский период ведущие отечественные и зарубежные психологические разработки неоднократно использовались в управлении массовыми процессами в нашей стране.

В современных условиях развития общества возникают задачи осмысления и обобщения наработанного опыта управления крупными сообществами, разработки новых, отвечающих изменяющимся экономическим, политическим и социокультурным условиям, технологий воз-

действия на массовое сознание и поведение и противостояния деструктивным воздействиям на них. Эти новые направления требуют разработки и использования новых методов исследования массового сознания и поведения, связанных с отходом от классических представлений о «психологии толпы» и с выделением социально-психологических факторов целенаправленного объединения масс, с анализом социетальных, групповых и личностных феноменов, лежащих в основе массового сознания и поведения. Обязателен учет потенциала формирования и развития современных технологических платформ (в том числе Интернета) и возможностей их использования для воздействия на массовое сознание и поведение. Необходимо сохранение способности в случае нужды оказать оперативное силовое противодействие антиобщественным актам асоциальных групп и участников деструктивных движений. В целом, остро стоит потребность развития полноценной системы социально-психологического воздействия и влияния на сознание и поведение больших социальных групп, способной обеспечить целесообразный уровень социального контроля, психологического сопровождения, поддержки, а также обратной связи в таком взаимодействии.

В соответствии с предложенными теоретическими основаниями исследования, в первом разделе монографии представлен анализ основных классических подходов к исследованию «психологии толпы», а также современных технологий воздействия на массовые групповые явления, разработанных на основе новых тенденций развития социальной психологии, прежде всего с учетом современной теории социальной идентичности.

Как известно, исследования массового сознания и поведения больших социальных групп начали предприниматься в психологической науке на рубеже XIX–XX вв. В то время вышли в свет классические работы Г. Лебона, Г. Тарда, З. Фрейда и др. Важный вклад в разработку этой проблемы внесла книга В. Райха «Психология масс и фашизм» (Райх, 1933). Анализ этих и более поздних работ в русле исследования массового сознания и поведения представлен в ряде обобщающих монографий (Московичи, 1996; Ольшанский, 2001; и др.).

Термины «толпа», «массы» в привычном для сегодняшнего дня восприятии появились в период социальных перемен в XVII–XIX вв. в Европе. Поначалу это были образные, описательные и оценочные выражения, однако со временем они состоялись как научные понятия.

Первым признанным теоретиком исследования масс в конце XIX в. стал Г. Лебон, который рассматривал толпу как социально-психологический феномен, возникающий при непосредственном взаимодействии индивидов независимо от социальных и ситуативных факторов (Лебон, 1995). Он выявил феномен «размывания» сознательной личности в толпе. Спустя несколько лет Г. Тард указал на необходимость перестать смешивать толпу и публику (Тард, 1902), а чуть позже А. Парк провел исследование по поиску обоснованных различий между этими двумя явлениями (Park, 1964). Далее Г. Блумер разработал и ввел в научный оборот основные характеристики участников массовых явлений (анонимность, изолированность, слабое взаимодействие, случайность социального положения, беспорядочность) (Blumer, 1950). Так начинались исследования, которые не теряют своей актуальности и в наши дни.

Многочисленные исследователи психологии масс вносили свою лепту в изучение проблемы, и в научном обороте закрепились самые разнообразные определения этого явления: «толпа одиноких» (Д. Рисмен), «суждение некомпетентных» (Х. Ортега-и-Гассет); «механизированное общество» и «сумма социальных технологий» (Ф. Г. Юнгер); «сверхорганизованное бюрократическое общество» (Г. Зиммель, М. Вебер, К. Маннгейм); «однообразное, бесцельное объединение» (Э. Ледерер, Х. Арндт). Таким образом, стало очевидно, что в науке окончательно складывается неоднозначное понимание «масс». Так, по оценке Д. Белла, в западной науке сложилось как минимум пять различных концептуальных интерпретаций данного понятия, которые до сих пор продолжают «разрастаться» (Bell, 1964).

В XX в. в изучении массового сознания и поведения наступил своего рода закат как в западной, так и в отечественной науке. Снижение интереса к проблеме было связано в запад-

ных культурах с «культом индивидуальности», а отечественное научное сообщество как при монархии, так и при большевиках опасалось поведения реальных масс и не приветствовало научных размышлений на эту тему и публичных обсуждений ее.

За более чем столетний период исследований было уделено внимание многим аспектам проблемы: структуре массового сознания, особенностям его проявления, основным видам и свойствам (характеристикам), способности к «самопорождению», механизмам формирования и функционирования, внутренней и внешней динамике возникновения и развития, а также осмыслению истории изучения вопроса.

Содержание массового сознания может быть определено практически как бесконечное, если попытаться предвосхитить все возможные варианты возникновения тех или иных значительных масс людей, как в рамках отдельного общества, так и в человеческой истории в целом. Анализ показывает сложность и недостаточную разработанность понятия «массы» в науке, а попытки выстроить целостную теорию масс не увенчались успехом в силу различных объективных обстоятельств.

Не умаляя значимости ранее проведенных исследований, в первом разделе настоящей монографии осуществляется переоценка теоретических и методологических подходов к исследованию массового сознания и поведения; заново осмысливаются психологические факторы, феномены, механизмы, эволюционно определяющие векторы исследования изучаемого явления; рассматриваются современные тенденции воздействия на массовое сознание и поведение.

В этом же разделе дан краткий исторический анализ развития *каналов воздействия на массовое сознание и поведение*, рассмотрены новые тенденции в их совершенствовании, связанные с исследованием поведения больших социальных групп в современном мире.

Глобальные информационно-коммуникационные каналы воздействия на массовое сознание и поведение людей за последние десять лет кардинально изменились. Классические каналы (печатные СМИ, телевидение и радио) сегодня уступают свои позиции, и на смену им приходит Интернет. В этой связи рассматривается социально-психологическая проблематика массового поведения больших групповых образований. Применение современных информационных технологий создает новые социальные условия развития, порождает принципиально новые модели взаимодействия общества и государства. В частности, Интернет позволяет воздействовать на массовое сознание и поведение людей, минуя контроль властных структур, способствует возникновению новых политических практик воздействия на массовое сознание и поведение самых разных групп населения. Эта ситуация также рождает массу психологических проблем, связанных с угрозой массовому сознанию и поведению из-за низкой подконтрольности киберканалов для внешнего наблюдения и воздействия.

Важно понять *психологическую природу* новых тенденций формирования и развития массового сознания и поведения, что невозможно без обращения к макропсихологическим, групповым и личностным его детерминантам в современных политических и социально-экономических условиях. Этому посвящен второй раздел монографии.

К макропсихологическим факторам массового сознания и поведения в первую очередь относится *национальный менталитет*, который выступает социальным и социально-психологическим компонентом данных явлений. С таких позиций в монографии рассматриваются сущность и структура менталитета как одного из наиболее популярных в современной российской психологии понятий. В частности, исследуются эволюция данного феномена, различные подходы к его трактовке, характерные психологические особенности, соотношение с близкими по содержанию феноменами и понятиями. Выделяются базовые составляющие менталитета, к числу которых можно отнести такие его социально-психологические феномены, как коллективная память, коллективные эмоции, чувства и настроения, нормы, ценности и отношения. Здесь же анализируются такие его компоненты, как социальные представления, язык, мен-

тальные репрезентации культуры, стиль мышления и социального восприятия, поведенческие образцы, идеалы и национальная идентичность.

С психологической точки зрения, с начала XXI в. в России и мире не только остро стоят проблемы трансформации национального менталитета, но и происходит усиление массовых протестных движений некоторых групп населения, разрастаются региональные очаги социальных революций. Эти новые политические и социально-экономические реалии непосредственно влияют на сознание, мотивацию и поведение больших социальных групп. Особенно значимыми в этой связи являются проблемы *оппозиционных протестных движений*. Задачи властных структур по противодействию этим процессам должны быть направлены на сохранение политической и социально-экономической стабильности российского общества: как уже отмечалось выше, сегодня не приходится рассчитывать исключительно на силовые методы и традиционные технологии управления массовым поведением людей для преодоления деструктивных тенденций.

Если размышлять о таком макропсихологическом феномене, как *социальная революция*, то вызывает сомнение сложившаяся традиция объяснять его только политическими и экономическими причинами. Необходимы комплексные объяснения причин и характера революций, в которых существенное внимание должно уделяться социально-психологическим факторам. В монографии рассматриваются социально-психологические факторы революций и различные подходы к их объяснению, анализируются существующие в России «революционные точки», оценивается возможность революций в современном мире вообще.

В третьем разделе представлены не менее важные и интересные для исследовательской оценки *групповые* факторы, оказывающие непосредственное воздействие на особенности массового сознания и поведения.

Наиболее пристального внимания заслуживают социально-психологические особенности формирования *коллективного образа будущего* в больших социальных группах, которые содержат в своей основе нейробиологические, психологические и социальные механизмы зарождения и развития. Интересно обращение и к факторам, повышающим востребованность долгосрочной ориентации в российском обществе, и к психологическим барьерам, затрудняющим формирование такого образа (дисконтирование будущего, низкий уровень социального доверия, фатализм, коллективные тревожные состояния и страхи). Как оказалось, существенное влияние на формирование *позитивного массового сознания и поведения* оказывают: ориентация на долгосрочное будущее с разнообразием социальной сети и с просоциальными установками; наличие таких групповых факторов, как доверие, лидерское видение и групповая рефлексивность; создание институциональных стимулов к долгосрочному планированию индивидуальной и коллективной жизнедеятельности; развитие коллективного воображения, целенаправленное формирование «памяти о будущем»; создание сетевых сообществ для выработки совместного образа будущего и запуска самосбывающихся пророчеств.

В работе рассматривается и такая новая сфера исследования массового сознания и поведения, как *коллективные эмоции*. Перспективы ее развития сопряжены с изучением переживания коллективных эмоций социальной группой, вызванных *коллективной травмой*. В работе выделены типы коллективных эмоций, проанализирована их связь с травмирующими событиями, описана динамика коллективных эмоциональных состояний при переживании коллективной травмы, их роль при совладании с травмой, связь коллективных эмоций с групповой идентичностью.

Отношение к своему прошлому и оценка будущего в значительной степени определяют способность общества и отдельных его представителей справляться с возникшими в настоящем экономическими, социально-политическими и бытовыми трудностями и проблемами. Именно поэтому в эпоху информационных войн и экономики знаний общество все чаще сталкивается с непрерывными целенаправленными попытками изменить представления населения

о прошлом и будущем страны в целом. Данный феномен получает освещение в исследовании *коллективной памяти как мишени* психологического воздействия в глобальной информационной войне.

В четвертом разделе представлен еще один социально-психологический уровень анализа массового сознания и поведения, который отражает *личностные факторы*, лежащие в их основе. Такой анализ целесообразно начать с наиболее актуального из них с политической точки зрения – *патриотизма*. Несмотря на силу социальной востребованности, идеологической нагруженности и на обилие связанных с ним жизненных ассоциаций, феномен патриотизма только сейчас стал объектом пристального научного анализа. В работе показано, что патриотизм – многосоставное понятие и явление, а основными элементами его ядра выступают такие психологические феномены, как чувство любви к Родине, готовность приносить личные интересы в жертву общественным посредством соответствующего поведения, самоидентификация со своей страной, ее историей и народом. При этом обозначенные компоненты патриотизма неоднозначны и находятся в сложных отношениях друг с другом, что затрудняет понимание термина «патриотизм» и его использование в практических или обыденных ситуациях. Результаты, полученные в ходе эмпирических исследований, позволили сформулировать ряд психологических закономерностей, характеризующих и само явление, и его российскую специфику.

Для российского общества традиционно важно изучение и такого фактора массового сознания и поведения, как *справедливость*. Данное понятие относится к числу основных в психологической науке, хотя и зародилось за ее пределами. Сегодня эта категория стала одной из наиболее влиятельных в социальной психологии, вызвав большое количество эмпирических исследований. Соответствующие подходы обрели большую популярность и в отечественной психологии. Разработка и реализация теоретических основ и прикладных аспектов данной категории выступает стержневым компонентом анализа и оценки любого общества. «Вопрос о том, насколько справедливым будет наше общество, эквивалентен вопросу о том, насколько благополучным оно будет» (Юревич, 2014, с. 15). В работе описываются основные психологические теории справедливости, основанные на ее понимании как пропорциональности вкладов и результатов участников взаимодействия. С позиций этой «формулы» справедливости оценивается ситуация и в современной России. Обозначены основные проблемы, вызванные нарушением принципа справедливости, такие как: чрезмерное расслоение по уровню доходов, высокий уровень бедности населения, низкое субъективное благополучие, недовольство и агрессивность, нестабильность социальной структуры общества, высокая вероятность массовых акций протеста и социальных катаклизмов. В монографии феномен справедливости рассматривается как один из мотивационных факторов массового сознания и поведения.

Следующий личностный фактор массового сознания и поведения сопряжен с таким социально-психологическим явлением, как *отношение к семье*. Как известно, жизненные ориентации человека, считываемые через смыслы и цели его жизни, определяют его направленность сознания, векторы активности, интересы, эмоции и чувства. Как отмечают многие исследователи, для того «чтобы понять феномен функционирования личности в различных жизненных ситуациях, необходимо рассматривать смысл как систему, обеспечивающую функционирование самой личности» (Серый, 2004, с. 48).

Какие же мировоззренческие позиции могли бы стать основой для массового объединения и сплочения россиян? Как оказалось, несмотря на сложные социально-экономические преобразования в обществе или различные обстоятельства индивидуального жизненного пути, основная масса россиян считают себя счастливыми (Уровень счастья..., 2016) и основой счастья для них выступает благополучие семьи (там же). Об этом говорят многочисленные исследования. Семья – первая в жизни человека социальная общность (группа), благодаря которой он приобретает к ценностям культуры, осваивает первые социальные роли, приобретает опыт

общественного поведения. Проблемы семьи и семейных отношений были актуальны во все времена, интерес к ним не уменьшается и в наши дни. Более того, кризисное состояние современной семьи привлекает к данной проблеме внимание все большего числа исследователей, и тому есть причины. Новым в русле этих исследований является обращение к проблемам семьи как одному из факторов развития массового сознания и поведения.

Семья как личностно и социально значимая ценность могла бы лечь в основу государственной идеологии и социальной политики, эта категория претендует быть включенной в основу общенациональной идеи, вокруг которой могли бы возникать частные позиции, близкие по своим социально-психологическим функциям. Отсутствие общегосударственной идеологии, сопряженной с ценностями семьи и семейной жизни, оказывает негативное влияние на социализацию молодежи, которая испытывает «экзистенциальный вакуум», зачастую представлена сама себе, а потому весьма подвержена внешнему воздействию.

Переход страны к рыночным отношениям в свое время был ознаменован многочисленными инновациями в сфере социально-экономических взаимоотношений, которые нашли свое отражение в массовом сознании и поведении россиян. Произошедшие изменения в первую очередь были детерминированы *изменениями в отношениях собственности*. Одно из главных требований рыночной экономики заключалось в том, что каждый участник хозяйственной деятельности должен обладать собственностью, которая выступает инструментом получения прибыли за счет ее использования. Собственность, конечно, категория общенаучная и является предметом исследования многих научных направлений (философии, социологии, экономики, права). Трудно назвать отрасль социогуманитарного знания, которая в той или иной форме не затрагивала бы проблемы собственности. С психологической же точки зрения, собственность отражает «индивидуальный способ бытия», актуализирует хозяйственную инициативу, дает собственнику чувство уверенности в себе, прививает любовь к труду и земле, а как следствие – к своему очагу и Родине, выступает гарантом оседлости личности, объединяет членов семьи, вовлекая их в общую деятельность по сохранению и преумножению собственности, пробуждает и воспитывает в человеке правосознание (Ильин, 1993; Карнышев, Бурменко, Иванова, 2006; Китов, 2004; и др.). В данном направлении исследований основной целью стал поиск ответов на следующие многочисленные вопросы: как массовое сознание и поведение интегрирует в себя проблемы собственности? как такая интеграция влияет на организацию экономики государства? какие социально-психологические явления и переживания порождаются отношениями собственности? и др.

Исторические перемены конца XX в. – развал СССР, разрушение плановой экономики, упадок промышленности, засилье зарубежных товаров и пр. – ныне усугубляются другими проблемами общества, среди которых следующие: выпады со стороны экстремистских организаций; коррумпированность и криминализация чиновников; низкий уровень жизни населения; высокий уровень налогов и инфляции; снижение уровня образования, медицинского обслуживания и социального обеспечения (Кашник, 1999). Все эти политические и экономические трансформации находят свое отражение в психологическом самочувствии основной массы населения, вызывают чувство утраты исторической перспективы, угасание патриотизма, ощущение невостребованности интеллектуального и нравственного потенциала общества, приводят к криминализации сознания молодежи, провоцируют агрессивную-враждебную направленность межличностного взаимодействия (Мокшанцев, Мокшанцева, 2001).

Эти сложные психологические коллизии, вызывающие ситуацию всеобщей психологической напряженности, не могут не привлекать внимания исследователей. В пятом разделе рассматриваются *факторы психологической безопасности* современного российского общества, оказывающие значительное воздействие на его сознание и поведение.

Наиболее важным со стороны общественной безопасности представляется анализ ситуации, сложившейся на современной международной арене в связи с политикой *нераспространения*

ния ядерного вооружения. В частности, в работе анализируются: роль государственных структур и государственных лидеров различных стран в возникновении глобальных ядерных рисков; социально-психологические факторы и механизмы, определяющие готовность к использованию ядерного оружия; социально-психологические принципы, лежащие в основе принятия стратегических решений различными государствами о поддержке ядерного разоружения или, наоборот, о присоединении к ядерным программам.

Серьезную угрозу психологической безопасности общества, безусловно, представляет *терроризм.* В основе распространения этого явления лежит множество факторов, среди которых особо выделяется духовно-нравственная, религиозная основа мотивации поведения и взаимодействия представителей христианских и исламских социокультурных обществ, идеологический конфликт западной (индивидуалистской) и восточной (традиционно коллективистской) культурных парадигм и т. д. Одним из ведущих направлений изучения глобальных террористических угроз является исследование социально-психологических факторов вступления молодежи в ИГИЛ. На основе данных, имеющихся в литературе (главным образом, интернет-источников), исследуются причины привлекательности ИГИЛ для иностранной и российской молодежи, вступающей в эту организацию. В основе такой привлекательности лежат разнохарактерные мотивы: ненависть к Западу и западному образу жизни; потеря смысла жизни и желание его обрести; романтические ожидания; мнение друзей и родственников; повышенная агрессивность и склонность к насилию; стремление к радикальному обновлению своей жизни; суицидальные мотивы. Более глубокое знание этих факторов поможет противостоять вовлечению российской молодежи в ИГИЛ и иные террористические организации или группировки, станет основой формирования ее антитеррористического мировоззрения.

Одной из губительных проблем человечества выступает *наркомания,* и прежде всего – бесконтрольное распространение информации о наркотиках в мировом интернет-пространстве. В работе обозначена комплексность самой проблемы, дан краткий анализ состояния исследований наркомании с позиций смежных наук, представлены современные подходы к антинаркотической пропаганде с разработкой и использованием психологических принципов информационной политики (пропаганда нравственности и здорового образа жизни, создание условий для формирования мотивации к здоровому образу жизни и психологической работы с наркоманами). Сделан ряд рекомендаций по организации антинаркотической пропаганды в стране и формированию антинаркотического мировоззрения молодежи.

Любое общество значительное внимание уделяет развитию подрастающего поколения, так как в детстве и отрочестве формируются основные психологические особенности личности, система оценок и моральные принципы, которые определяют поведение человека во всей последующей жизни. Стремительность изменений, происходящих в современной социальной жизни, субкультура насилия, расширение спектра чрезвычайных и экстремальных ситуаций актуализируют проблему противодействия манипулятивному воздействию деструктивных сил на массовое сознание молодежи.

Для снижения общественных угроз соответствующими органами предпринимается целый ряд политических и даже силовых мер, однако добиться решения проблемы путем только внешнего контроля, даже самого жесткого, как показывает практика, не удастся. Такая ситуация вызывает необходимость системной организации научного поиска с целью оптимизации уровня правового сознания молодежи и с учетом реальных экономических, правовых, социальных, психологических факторов.

Монография была бы неполной, если обойти стороной *механизмы и средства воздействия* на массовое сознание и поведение. Для России всегда была актуальна *геополитическая ситуация в мире,* влияющая на тенденции и перспективы развития нашего государства, которое традиционно претендует на лидирующие позиции в мировой политике. В шестом разделе рассматриваются социально-психологические аспекты современной геополитической ситуации.

Геополитический анализ истории России традиционно концентрируется вокруг линии «Запад-Восток». Эти базовые факторы чаще всего лежат и в основе мотивации поведения современных протестных движений, которые искусственно масштабируются на глобальный уровень. Тем не менее попытки найти решения проблем локально – путем политических уступок или силового подавления «несогласных» (как в Сирии, Ираке, на Украине и т. д.), – в принципе, не дают ожидаемых результатов. Сохранение исторических традиций и ценностных национальных приоритетов российского общества, его культурно-цивилизационной самобытности будет определять не только дальнейшие исторические перспективы нашего государства, но и геополитическую стабильность мирового сообщества в целом.

Массовое сознание и поведение в современных условиях невозможно рассматривать без обращения к *коллективному творчеству в сетевых сообществах*, к глобальному социальному активизму и краудсорсинговым проектам. В этом направлении анализируются новые теоретические модели совместного творчества, – такие, как модель творческого синтеза и модель научения через формирование коллективного образа желаемого будущего. Здесь же рассматриваются изменения в совместной творческой деятельности людей, связанные с инновациями и глобализацией: растущая потребность в осознанности совместной деятельности и управлении коллективными эмоциональными состояниями, необходимость в метакогнитивной компетентности и проектировании среды совместного творчества, открытые инновации и вовлечение клиентов в создание продуктов и услуг, глобальный краудсорсинг, непрерывность творческих процессов. При этом особое внимание уделяется психологическим аспектам проблемы.

На смену внешнему воздействию на массовое сознание и поведение масс приходят новые парадигмы, – в частности, *гуманитарная парадигма* социального управления. При данном подходе *качество жизни* человека становится ведущим ориентиром в управлении обществом. В частности, Россия по своим природным, трудовым и технологическим ресурсам является одним из лидеров на международной экономической арене, но по индексу развития человеческого потенциала занимает 50-е место в списке из 188 стран мира (подробнее см. главу 21). Низкий уровень развития человеческого потенциала выступает серьезным препятствием на пути устойчивого социально-экономического развития общества, создает угрозу психологическому благополучию. Предметом исследования становятся такие составляющие проблемы, как сущностная оценка и стратегия формирования качества жизни; детерминанты субъективного экономического благополучия и методы их измерения; социально-психологические факторы качества жизни и особенности их оценки; субъективное качество жизни; психологический анализ соотношения доходов и потребностей личности; уровневая модель психологического благополучия личности; психология эмоционального благополучия и др.

Завершая разговор, хотелось бы выделить основные задачи данного комплексного исследования, которые позволят читателю составить целостное представление о концепции коллектива авторов, которая легла в основу монографии:

- 1) осуществить теоретико-методологический анализ массового сознания и поведения с позиции новых тенденций в исследованиях данной проблематики в современной социальной психологии;
- 2) проанализировать и выявить современные психологические особенности национального менталитета, мотивации массовых социальных движений и кардинальных социальных изменений в мире;
- 3) выделить групповые и личностные феномены массового сознания и поведения, рассмотреть социально-психологические особенности формирования коллективного образа будущего, а также коллективные эмоции и чувства, связанные с ним;
- 4) выделить прикладную проблематику и тенденции развития исследований по данному направлению в перспективе.

В отечественной социальной психологии в настоящее время проблематика массового сознания и поведения исследуется явно недостаточно. Содержание представленной книги позволит не только в определенной мере заполнить существующие «белые пятна» социальной психологии, но и показать ориентиры для дальнейших социально-психологических исследований этой проблематики.

Раздел 1

Основные тенденции исследования массового сознания и поведения

Глава 1

Психологические исследования больших социальных групп: теоретические и методологические проблемы

Современный период развития нашей страны характеризуется кардинальным изменением социополитической и идеологической ситуации. В России, претендующей на принципы западного государственного устройства (капитализм и индивидуализм), происходят драматические изменения в ценностной структуре общественного сознания народа. Что же сейчас может предложить психологическая наука (особенно социальная и политическая психология) для понимания и решения новых проблем функционирования больших социальных групп, их массового поведения?

Психология массового поведения больших социальных групп как научное направление в социальных науках возникло на рубеже XIX–XX вв. и относилось к областям социальной психологии и психологической социологии. В настоящее время оно включается также в область макropsихологии (Макropsихология..., 2009). В своей истории рассматриваемое направление исследований ознаменовалось выходом в свет целого ряда работ, ставших классическими – Г. Лебона, Г. Тарда, З. Фрейда (Лебон, 1995; Тард, 1902; Фрейд, 1990). Несколько позднее появилось исследование В. Райха (Райх, 1933). Детальный анализ содержания этих и последовавших за ними исследований, разработка психологических трактовок и теорий толпы, созданных Г. Лебоном, Г. Тардом, З. Фрейдом и др., представлены, в частности, в монографии С. Московичи (Московичи, 1996). В предисловии к ней А. В. Брушлинский обобщил систему идей Московичи, на которую опирались психологические воззрения вышеперечисленных классиков на проблему массового поведения. Основные идеи таковы:

- а) психологически толпа – это не скопление людей в одном месте, а такая человеческая совокупность, которая обладает психологической общностью;
- б) индивид действует сознательно, а масса, толпа – неосознанно, поскольку сознание индивидуально, а бессознательное может иметь коллективную природу;
- в) массы, толпы нуждаются в наличии и поддержке лидера (или вождя), который влияет на них своим харизматическим авторитетом, а не рассудком;
- г) массовая коммуникация имеет иррациональную основу, опирающуюся не столько на рациональные доводы, сколько на эмоциональные составляющие и внешние признаки (Брушлинский, 1996).

Таким образом, в классических источниках опорой для понимания психологии масс является противопоставление индивида вне толпы ему же, находящемуся в толпе. При этом толпа понимается крайне широко: это не только стихийные неорганизованные скопления людей, но и организованные объединения, обладающие своими целями.

При всей бесспорной важности вышеприведенных теоретических положений, можно поставить вопрос о нецелесообразности и неправомерности столь широкого понимания толпы и отнесения к ней организованных политических партий, профсоюзов, армейских структур, религиозных, протестных и других групповых образований.

Анализ воззрений классиков на проблему «психологии толпы», проведенный С. Московичи, позволяет выделить некоторые недостатки и классических представлений, и взглядов самого С. Московичи на данную проблему. Прежде всего, их характеризует так называемый *внутрипсихологический детерминизм*, в соответствии с которым психика людей рассматривается как самостоятельное явление, вне тесной связи с ее историогенезом и социально-экономическими условиями жизни человека. Такой детерминизм означает неоправданную *психологизацию* социального поведения индивидов и социальных групп. Более того, в настоящее время разрабатывается идея развития многих отраслей современной психологии как социально ориентированных (Журавлев, 2011). К ним же в полной мере может быть отнесена и психология массового поведения, хотя ей пока сложно претендовать на самостоятельную отрасль психологии.

Во-первых, не совсем оправданно *категоричное противопоставление* поведения индивида как относительно автономного существа и его социального поведения в группе, в том числе в толпе. Этим фактически сбрасывается со счетов история социальной (или государственно-политической, экономической, идеологической) организации людей в сообщества, с присущими общественному устройству нормами коллективного (или совместного) поведения.

Во-вторых, коллективная жизнь людей автоматически не предполагает *потерю ими своей индивидуальности*. Совсем не обязательно в коллективном поведении индивид будет вести себя *иррационально*. Все обстоит сложнее.

В-третьих, представления о психологической природе толпы в классических работах анализируются как бы в «социальном вакууме», поэтому создается впечатление, что до этого в истории человеческой цивилизации не было аналогичных проблем с *массовым поведением людей и управлением им* со стороны властных структур.

С учетом таких соображений ниже будет выполнен краткий анализ современных тенденций в исследованиях поведения больших социальных групп, в частности толп.

Проанализируем современную исследовательскую литературу по данной проблематике и постараемся выделить основные тенденции, включая возможные новые направления в изучении психологии массового поведения.

Сразу же необходимо отметить, что в современной отечественной психологии по данному научному направлению сохраняется тенденция к изданию преимущественно обзорно-аналитических работ и учебных пособий (Современная психология..., 1999; Психология..., 2000; Социальная психология, 2002). В них, как правило, обсуждаются классические проблемы массового поведения (имеющиеся типологии, эффекты нерационального поведения индивида в толпе, детерминанты и механизмы ее формирования и т. д.), а также реализуются некоторые попытки объяснить влияние различных детерминант на массовое поведение.

Понятие «толпа» уже не раз подвергалось подробному рассмотрению с точки зрения свойств и видов, механизмов поведения, видов реакции и коммуникаций, приемов управления и манипуляции (см.: Назаретян, 2001; и др.). Более-менее согласованное определение толпы обнаружить практически не удастся: этот феномен по-прежнему остается многозначным. «Массовое скопление людей» традиционно определяется как образование (скопление) большого числа людей в одном месте (Arbon, 2004). «Массовое поведение», или «поведение толпы» (crowd behavior), признается главным феноменом, требующим оценки и анализа соответствующих действий по управлению им. Вообще в научной литературе термины «толпа», «массы», «массовое скопление людей», «вид толпы», «управление поведением толпы», «состояние сознания толпы» используются в разных контекстах и оказываются нередко недифференцированы по содержанию.

Обратимся к истории возникновения и развития теорий массового поведения (или теорий толпы) в научной литературе. Лебон, как основатель теории поведения больших социальных групп, совместно с другими исследователями разработал и «увечковечил» традицию

исследования роли группового сознания (McPhail, 1989; Reicher, 2001). Он утверждал, что в массовых скоплениях людей индивиды фактически утрачивают чувство личной ответственности, приобретая ощущение непреодолимой силы, становятся легко доступными объектами психического заражения и влияния и как следствие – субъектами примитивного поведения.

Концепция Лебона с коллегами была критично оценена и, более того, поставлена под сомнение сторонниками *диспозиционной теории* (Reicher, 2001). В этой традиции коллективное поведение объяснялось с опорой на заранее существующие индивидуальные тенденции поведения. При этом отмечалось, что агрессия и насилие в массовом поведении возникают от наличия и воздействия асоциальных личностей.

Сущность *нормативной теории массового поведения* составляет положение о том, что всякое коллективное поведение реально осуществляется на основе возникающих норм. Утверждается, что слухи и беспорядочно движущиеся толпы имеют одной из своих важнейших целей возникновение новых социальных норм, которые обычно являются модификацией существующих. Несмотря на то, что нормативная теория восстановила закономерную связь между индивидуальным поведением и действиями в массовых скоплениях людей, она оказалась неспособной объяснить, каким образом высокая степень единства большой социальной группы может достигаться за столь короткий период времени (McPhail, 1991).

Отмеченные выше теории массового поведения больших скоплений людей были дополнены С. Рейхером и Дж. Поттером (Reicher, Potter, 1985) концепцией *межгрупповой перспективы*. В основу их представлений положена потребность в признании социальнокогнитивных перспектив в ин-группах (своих) и аут-группах (чужих, с оппозиционными установками). В частности, они отметили неспособность других теорий объяснить динамику процессов, составляющих природу массового поведения; неспособность понять мотивы членов массовых групповых образований, а также преодолеть чрезмерный акцент на изучении отрицательных характеристик массового поведения. Они подчеркивали необходимость рассмотрения (и понимания) различных социокогнитивных перспектив в динамике, имеющей место и в ин-группах, и в аут-группах¹.

Ваддингтон с коллегами продвинулись дальше в понимании закономерностей массового поведения и предложили многоуровневую *модель его дезорганизации*, в которой фактически речь идет о влиянии факторов разного социального уровня на дисфункциональность поведения больших (массовых) групповых образований (Waddington, Jones, Critcher, 1987). Авторы пришли к заключению, что дезорганизация массового поведения в принципе редко «задумывается» в качестве цели проведения массовых мероприятий самими организаторами. Однако возможность именно такого развития событий, по мнению авторов, объяснима и, по меньшей мере, частично даже предсказуема.

Следующим важным направлением в развитии понимания социально-психологической природы массового социального образования и механизмов поведения его членов явилась разработка *модели социальной идентичности массового поведения*. Она основана на теории самокатегоризации, развитой Тернером с коллегами. Достоинством данной модели является положение о том, что коллективное поведение и эффективные социальные влияния в группах возможны только на основе взаимно разделяемой самокатегоризации или общего чувства социальной идентичности (Turner, Oakes, Haslam, McGarty, 1994). Эти тенденции в массовом

¹ *Ин-группа* представляет собой совокупность людей, имеющих взаимно разделяемые социальные нормы и общую цель (например, болельщики определенной спортивной команды). *Аут-группы* – это люди, которые не входят в ин-группу или которые не разделяют чувства социальной идентичности ин-группы. Аут-группы образуются тогда, когда одна группа массового образования противостоит другой. Очевидный пример аут-группы – это болельщики другой спортивной команды. Однако более внушительная ин-группа по своему составу и численности может формироваться в массовое скопление людей (толпу), если происходит сопротивление полиции. И, следовательно, полиция является аут-группой по отношению к первой группе.

групповом поведении ярко проявляются и в таком социальном явлении, как терроризм (см.: Соснин, Нестик, 2009; Соснин, 2011, 2012).

Теория социальной идентичности в приложении к массовому поведению была обоснована С. Рейхером (Reicher, 1996а, б) и основательно проанализирована и обсуждена Дж. Друри и С. Рейхером (Drury, Reicher, 2000). Они проанализировали *феномен социальной идентичности группы*, который может развиваться в процессе и результате межгруппового взаимодействия. Они считают, что конфликт возникает в условиях, когда две группы имеют несовместимые представления о возможных вариантах поведения в конкретной ситуации и когда действия одной группы рассматриваются как нарушающие представления о правильности и справедливости поведения на языке социальной идентичности другой группы. Главный вывод разработчиков модели состоял в том, что динамика межгрупповых отношений является основным фактором возникновения и развития межгруппового конфликта. Авторы считают, что межгрупповая дискуссия и развитие межгрупповых отношений являются важными способами формирования и усиления чувства социальной идентичности групп.

Анализ современных исследований массового поведения, в которых использовались, подтверждались или опровергались предлагаемые модели его объяснения, позволил выявить ряд относительно новых тем. Сознание и поведение массовых образований людей были признаны явлениями, зависящими от социальных условий, наличия «зрителей», отдельных значимых личностей, а также от множества ситуационных факторов окружающей среды. Исследователям стало ясно, что массовое поведение необходимо рассматривать в качестве *феномена межгруппового взаимодействия* с учетом различной динамики психологических состояний ин-групп и аут-групп. Массовые скопления людей (толпы) с более высокой вероятностью вовлекаются в конфликт, когда конфликтное поведение считается оправданным, поскольку внешняя группа, по их мнению, нарушает должные нормы и принятую практику социального поведения, или когда конфликт считается эффективным средством достижения желаемых целей ин-группы. Явление распространения конфликта связано со степенью изменения в самокатегоризации и тем самым в социальной идентичности ин-группы, а также с неспособностью внешней группы дифференцировать наличие разных подгрупп в массовом групповом образовании (толпе). Межгрупповая динамика оказалась решающим фактором возникновения массового конфликта (Reicher, 1996).

Возникновение «чувства силы» (phenomenon of empowerment) в ин-группе, т. е. в массовом групповом образовании (например, в толпе в целом), было также идентифицировано исследователями как принципиально важный феномен, оказывающий влияние на массовое поведение ин-группы (Vider, 2004; Drury, 2002). Силовые (доминантные) действия членов ин-группы (толпы) опирались на представления о «должной/правильной практике взаимодействия» (социальной норме) и ее нарушении представителями аут-группы (на практике – представителями правоохранительных структур). Друри и Рейхер на основе наблюдений обнаружили, что, поскольку члены массового группового образования (толпы) воспринимали разные формы поведения аут-группы как преимущественно «незаконные», границы толпы начинали расширяться и в ин-группу начинали включаться те индивиды, которые на предыдущем этапе считались аутсайдерами (скорее, сторонними наблюдателями) (Drury, Reicher, 2000). Расширение границ массового группового образования явно способствовало возникновению общего «чувства силы» в толпе, от чего она реально становилась более сильной.

Теперь остановимся на *проблеме измерения* (наблюдения и фиксации) параметров массовых групповых образований (толп). Естественно, в литературе есть рекомендации и подходы к решению этой проблемы и обсуждение разных ограничений представленных выше моделей массового поведения (объем толпы, наличие подгрупп в толпе, механизмы формирования толпы и т. д.) (Zeit et al., 2007). Целесообразно кратко изложить эти представления, которые недостаточно известны отечественным специалистам.

Например, в Англии матрица для оценки возможностей правоохранительных структур при обеспечении безопасности массовых мероприятий включает профиль состава толпы как совокупность ряда индикаторов (Health and Safety Executive..., 1999). Основные дескрипторы массового группового образования включают параметры участия семейных групп, молодых людей, детей и подростков, пожилых людей и, что очень важно, представителей конкурирующих групп. В руководстве, разработанном Австралийской ассоциацией управления чрезвычайными ситуациями, описаны типы толп в условиях массовых скоплений людей с выделением ключевых дескрипторов, включающих физические движения, степень участия, формы поведения (Australia, 1999) (см. таблицу 1).

Таблица 1

Типы массовых скоплений людей с выделением ключевых дескрипторов

Тип толпы	Дескрипторы поведения
Движущаяся (различные типы шествий, очереди, религиозные ходы и т. п.)	Спокойное движение и эмоциональное состояние участников
Ограниченная в свободе движений	Наблюдение общественных мероприятий, необходимость дополнительной организации со стороны правоохранительных структур
Связанная общим интересом, наблюдающая (зрители, болельщики спортивных мероприятий)	Несанкционированные, спонтанные действия
Экспрессивная/отдыхающая (аудитория, болельщики, наблюдающие за массовыми городскими мероприятиями, включая кроссы, гонки, массовые выезды на природу и т. п.)	Эмоциональное расслабление
Действующая (пикеты, марши и т. п.)	Члены толпы – участники конкретного события
Агрессивно-враждебная	Наличие вербальной агрессии, готовность к противоправным действиям
Демонстрирующая (протестные толпы, пикеты, марши и т. п.)	Наличие определенной организации со стороны лидеров
Паническая	Поведение обусловлено наличием реальной или воображаемой опасности для жизни
Плотная/стесненная (типа давки)	Уменьшение индивидуальных физических движений, возможность превращения в паническую толпу
Стяжательная	Попытки, используя ситуацию, незаконно приобрести, получить или украсть что-либо
Насильственная	Физическое нападение/террористические действия

На сегодняшний момент можно назвать и определить следующие наиболее известные в литературе типы групповых массовых образований (Назаретян, 2001), которые, по установившейся терминологии, называют «толпами».

Случайная толпа – скопление людей, собравшихся посмотреть на неожиданное происшествие. Это самая обыденная ситуация стихийного массового поведения, которую доводилось в жизни наблюдать любому взрослому человеку.

Конвенциональная толпа – групповое образование, которое собирается по поводу заранее объявленного события (митинг, концерт, футбольный матч и т. д.). Здесь преобладает направленный интерес, и люди до определенного времени (пока толпа сохраняет качество конвенциональности) готовы следовать в своем поведении определенным социальным правилам (конвенциям).

Экспрессивная толпа – групповое образование, ритмически выражающее доминирующие в толпе эмоции – радость, энтузиазм, протестные настроения и т. п.

Экстатическая толпа – групповое образование, которое заражено экстремальной формой выражения своих эмоций – радостью, гневом, протестной готовностью доказать свою правоту и т. д. Это наиболее опасный вид толпы, требующий внимательного отношения со стороны правоохранительных структур.

Действующая толпа – групповое образование, представляющее наиболее опасный вид коллективного поведения (оппозиционного, протестного) для правоохранительных структур государства. В ее рамках можно выделить ряд подвидов толпы: агрессивная, паническая, стяжательная, повстанческая.

Агрессивная толпа – групповое образование, доминантой поведения которой являются злоба, ярость и стремление доказать властям свои справедливость и правоту.

Паническая толпа – групповое образование, в котором каждый человек в ситуации необходимости спасения жизни стремится избежать личного смертельного исхода. Паническое поведение (индивидуальное выживание) обычно не только является спасительным, но часто становится более опасным фактором, чем то, что спровоцировало ситуацию паники.

Стяжательная толпа – группа людей, которые в критической ситуации стремятся завладеть ценностями людей, находящихся в беде. Доминируют жадность, отсутствие нравственных норм поведения и страх наказания. Однако слово «стяжательная» не всегда следует понимать буквально. Это может быть толпа голодных людей, не видящих выхода из ситуации, кроме приобретения припасов для жизни в погромах и использования ситуации в целях выживания.

Повстанческая толпа – это групповое образование, которое ведет борьбу с государством на основе духовно-религиозных, идейных мотиваций. Показательный пример такой деятельности – террористическая активность в современном мире.

Другой инструментарий был предложен А. Пайнзом и К. Маслачем, методический подход которых включал сбор информации по таким параметрам, как уровень вербальной активности толпы, физические движения, участие сторонних наблюдателей и т. п. Их вариант предполагал необходимость разработки матрицы параметров измерения психологического состояния и поведения толпы (Ртез, Maslach, 1993). А. Пайнз и К. Маслач считали, что необходимо разрабатывать матрицу параметров измерения массового сознания толпы. Основываясь на идеях этих авторов, К. Зейтц с коллегами выполнил прикладное исследование для служб экстренного реагирования (полиция, медики, пожарные и т. д.) по измерению (фиксации) параметров массовых групповых образований. Оно включало разработку матрицы качеств для оценки состояния массового сознания толпы (Zeititz et al., 2005).

Состояние сознания толпы характеризовалось как пассивное, активное и энергетическое (активно-агрессивное) (см. таблицу 2).

Таблица 2

Матрицы для оценки состояния массового сознания толпы

Психологическое состояние толпы	Дескрипторы описания массового поведения
Пассивное	Невступление в обсуждение событий, в конкретные физические действия, в физические контакты, слабое взаимодействие между участниками массового мероприятия
Активное	Нормальный уровень общения, средний уровень физических взаимодействий между участниками массового мероприятия, средняя степень участия аудитории в мероприятии, возможное агрессивное противоправное поведение
Активно-агрессивное	Возрастание активного вербального взаимодействия, возрастание интенсивности физической активности, существенное усиление психологического контакта, возрастание влияния аудитории и возможное наличие ситуаций насилия

Типологию массовых групповых образований² можно также построить, исходя из представлений о социальной установке (рациональный, эмоциональный и поведенческий компоненты), а имеющиеся в литературе классификации типов групповых образований распределить в соответствии с критериями социальной установки с некоторыми дополнениями. Основными признаками типологии массовых групповых образований являются: а) *критерий времени существования группового образования*: долговременные группы (демографические, политические, профессиональные, религиозноэтнические) и кратковременные (митинги, аудитории, аудитории зрелищных мероприятий, массовые скопления людей в протестных явлениях и т. п.); б) *критерий модальности (знак, направленность) массового поведения*: социально ориентированное или социально деструктивное, противоправное поведение.

Основными психологическими характеристиками поведения больших социальных групп могут являться:

- рациональные компоненты, т. е. коллективные представления, мнения группы;
- мотивации, т. е. групповые интересы и цели;
- аффективные потребности, т. е. коллективные переживания, социальные чувства и настроения группы (толпы), которые необходимо выражать и которые, как правило, в толпе выражаются неосознанно.

Если говорить о динамических (эмоциональных) признаках поведения человека в толпе, то и классические, и современные исследования выделяют ряд базовых характеристик поведения:

- эффекты психологического заражения (неосознанно действовать как все);
- эффект анонимности и возможности выражения своих «комплексов» в толпе;
- снижение рациональной оценки своего поведения в толпе;
- «психологическое отключение» от своего социального статуса;

² Термин «массовые групповые образования» в работе используется как обобщающий концепт для обозначения социальных групп (преимущественно больших), участвующих в массовых групповых процессах (групповые образования типа «толпа», социальные движения, группы болельщиков на спортивных мероприятиях, протестные группы и т. д.).

– снижение интеллектуальных способностей при поведении в толпе.

Естественно, все эти эффекты взаимосвязаны. Исходя из этого, представим матрицу типологий массовых групповых образований в следующем виде (таблица 3).

Как видно из приведенной матрицы, одно и то же название (тип) группового образования может попадать в разные ячейки в зависимости от сочетания критериев классификации. Приведены типичные названия массовых групповых образований, наиболее часто употребляемые в литературных источниках (Назаретян, 2001; Zeitz et al., 2009; и др.). Данная классификация помогает системно отразить проблематику типологии массовых групповых явлений, определить тип массового образования (как конкретного объекта исследования) на основании определенных критериев. Между тем она открыта и для включения других типов групповых массовых образований.

Таблица 3

Матрица типологий массовых групповых образований

Критерий времени	Когнитивная составляющая (цели, мотивы)				Эмоциональная составляющая (коллективные переживания, чувства, настроения)				Поведенческая составляющая (формы поведения)			
	Долговременные		Кратковременные		Долговременные		Кратковременные		Долговременные		Кратковременные	
	1	2	3	4	5	6						
Критерий модальности	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-
	1,1	1,2	2,1	2,2	3,1	3,2	4,1	4,2	5,1	5,2	6,1	6,2

Обозначения: + социально ориентированное поведение, – деструктивное, криминальное. 1 – партии, союзы, общественные организации, религиозные группы, секты, повстанческие (террористические) организации и движения; 2 – стихийные, ведомые и случайные толпы, конвенциальные группы, панические и стяжательные толпы; 3 – религиозные группы и секты, повстанческие (террористические) организации; 4 – ведомые и случайные толпы, экспрессивные, агрессивные и экстатические толпы, панические и стяжательные толпы; 5 – партии, союзы, общественные организации, религиозные группы, секты, повстанческие (террористические) группы; 6 – ведомые и случайные толпы, экспрессивные, агрессивные и экстатические толпы, панические и стяжательные толпы. Групповые образования классифицируются дополнительно по критерию модальности поведения: 1.1 – партии, союзы, общественные организации, религиозные группы; 1.2 – секты, повстанческие (террористические) организации; 2.1 – демонстрации, митинги, массовые зрелищные мероприятия, действующие в рамках закона; 2.2 – стихийные, ведомые, конвенциальные группы, протестные движения (толпы); 3.1 – ячейка свободна; 3.2 – секты, повстанческие (террористические) группы; 4.1 – ведомые, случайные и экспрессивные толпы, демонстрации, митинги, массовые зрелищные мероприятия, действующие в рамках закона; ведомые, случайные, экспрессивные и экстатические толпы, демонстрации, митинги, массовые зрелищные мероприятия, превращающиеся в агрессивные толпы, оппозиционные протестные группы; все типы групповых образований, действующих в рамках закона; 5.2 – религиозные секты, повстанческие (террористические) группы; 6.1 – все типы кратко-

временных групповых образований, действующих в рамках закона (демонстрации, митинги, массовые зрелищные мероприятия); 6.2 – протестные групповые образования, агрессивные толпы, бунты, стяжательные и панические толпы.

* * *

Итак, мы рассмотрели различные подходы к проблеме наблюдения и фиксации параметров массовых групповых образований. Исследования подтвердили, что групповое сознание и поведение массового образования (толпы) является важным фактором, которому следует уделять более пристальное внимание в практической деятельности структур экстренного реагирования (Zeitz K. et al., 2009).

Во-первых, современные исследования психологических проблем массовых образований людей и их поведения позволили поставить под сомнение идеи классиков о тотальной неуправляемости индивидов и их высочайшей зависимости в толпе.

Во-вторых, объяснительный потенциал теории социальной идентичности в применении к анализу массового сознания и поведения крупных групповых образований оказался достаточно высоким и перспективным, особенно в прикладном плане. Психологические исследования установили, что участие членов толп в массовых мероприятиях требует от них модификации существующих норм поведения и формирования общего чувства социальной идентичности. Кстати, данное положение имеет непосредственное отношение к пониманию и объяснению поведения практически любых больших социальных групп (Журавлев, Емельянова, 2009).

Поскольку существует высокая вероятность возникновения противоправных действий в массовых групповых образованиях, активность правоохранительных структур в таких условиях имеет решающее значение. Их участие на этапе планирования и подготовки массовых мероприятий дает им возможность идентифицировать группы риска. Как следствие, у правоохранительных структур возникает потребность применять и развивать подходы к эффективному взаимодействию с массовыми групповыми образованиями и перспективному проектированию своих возможностей по управлению их поведением. Эти модели должны включать подготовку персонала экстренного реагирования, разработку соответствующих техник и технологий, механизмов управления и ограничения возможностей для агрессивного массового поведения (Drury, Reicher, 2005). Вместе с тем, по-прежнему существует необходимость трансляции социально-психологических теорий толп на их практическое применение в управлении массовыми групповыми образованиями. Это возможно, если имеет место понимание воздействия психологических факторов на групповое сознание ин-группы, понимание влияния этих факторов на естественных моделях наблюдения (при фиксации параметров поведения толпы) со стороны правоохранительных органов, на разработанные способы изменения психологического состояния толпы.

Анализ мировой литературы по рассматриваемой проблеме позволил констатировать, что существуют две важные *характеристики массового поведения* больших скопления людей: 1) такое поведение подвержено закономерному изменению в направлении к более агрессивному, экстремистскому; 2) нередко люди вынуждены участвовать в возможных противоправных акциях в силу своего присутствия. Это дает возможность правоохранительным структурам эффективно вмешиваться в управление поведением массовых групповых образований и проводить следующие мероприятия: а) мониторинг предстоящего события; б) анализ содержания (целей) проведения массового мероприятия; в) идентификацию и управление возможным противоправным поведением. Естественно, необходимо выполнение многообразных исследований по проблеме управления массовыми групповыми образованиями, разработка исследовательского и практического инструментария (техник и технологий) по изменению поведения

толпы. Это остается одним из актуальных направлений развития современной социальной психологии.

Проведенный теоретический анализ психологических проблем массового поведения и классических представлений о поведении индивида в массовом групповом образовании позволил: а) показать возникшую неадекватность классических представлений о закономерностях массового поведения, прежде всего поведения толп, в соответствии с ранними представлениями Лебона, Тарда и их последователей; б) в качестве нового направления исследований массового поведения выделить теорию социальной идентичности. Это направление имеет большие перспективы в разработке прикладных вопросов воздействия на массовое поведение.

Выделенное прикладное направление требует междисциплинарного анализа с привлечением специалистов из смежных наук и включает в себя разработку системы социально-психологического сопровождения, воздействия и влияния на поведение больших социальных групп (социальный контроль, психологическая поддержка, организация обратной связи и систем противодействия и т. д.). В дальнейшем необходимо обосновать новую проблематику в изучении массового группового поведения, возникшую на рубеже тысячелетий в связи с развитием интернет-технологий, потребность изучить их влияние на массовое сознание и поведение. Данное направление исследований требует систематических усилий и конкретных разработок со стороны социальных психологов.

Глава 2

Эволюция теорий массового сознания и поведения: психологические феномены, факторы, механизмы

В предыдущей главе дан краткий исторический анализ формирования научного направления, связанного с исследованием массового сознания и поведения, рассмотрены новые тенденции исследований поведения больших социальных групп в современной психологической науке. Показано, что классические теории поведения толпы (массовых групповых образований), развитые в работах классиков Лебона, Тарда и Фрейда, сегодня не достаточны для объяснения современных тенденций массового поведения людей. Сегодня необходимо избавляться от выраженного психологического детерминизма, завышенного противопоставления двух форм поведения индивида – как автономного субъекта и в толпе. Сегодня участников массовых движений уже нельзя рассматривать исключительно как нерациональных субъектов, подверженных в толпе психологическому заражению и снижению своих интеллектуальных ресурсов. В этой связи эволюционируют не только теории массового сознания и поведения, но и психологические феномены, факторы, механизмы воздействия претерпевают существенные трансформации. Задача настоящей главы – показать перспективность исследований по данному научному направлению с позиций социально-идентификационного подхода.

В научной литературе термины «толпа», «массовое скопление людей» часто использовались (и используются) без разграничения. *Массовое скопление людей* определяется исследователями как образование большого числа людей в одном месте (Arbon, 2004, p. 208212; Milsten et al., 2002, p. 151–167), но нет согласованного определения толпы. Практически термин «состояние сознания толпы» стал параметром измерения вероятного массового поведения.

В современной научной литературе теория толпы развивается в нескольких направлениях, которые удобно сопоставить благодаря предложенной К. Зейтцем с коллегами таблице (см. таблицу 4).

Таблица 4

«Теория толпы» в современной научной литературе (цит. по: Zeitz et al., 2009, p. 32–38)

Персоналии	Основание теории	Содержание теоретических представлений
Г. Лебон и другие классики	Традиция группового мышления	В толпе индивид теряет представление о своей личной ответственности, становится объектом заражения и примитивного поведения (Le Bon G., 1895)
Ф. Олпорт Н. Миллар Дж. Доллард Р. Макфейл	Диспозиционная теория	Коллективное действие объясняется на языке существующих тенденций, наследие приносят антисоциальные личности (Drury, Reicher, 2000; Reicher, 2001; McPhail, 1989, 1991)
Р. Тернер Л. Кидман Р. Макфейл	Нормативная теория	Коллективное поведение возникает из существующих норм. Слухи и неорганизованное поведение толпы формируют новые нормы, которые изменяют существующие нормы. Нормативная теория восстанавливает связь между индивидуальным поведением индивида и его поведением в толпе. Теория не смогла объяснить, каким образом большие группы достигают единства в короткий период времени (Drury, Reicher, 2000; Reicher, 2001; McPhail, 1989, 1991)
С. Рейхер Дж. Поттер	Межгрупповая перспектива	Потребность в признании социально-когнитивных перспектив в ин-группах и аут-группах (другая группа с оппозиционными установками) (Reicher, Potter, 1985)

Д. Ваддингтон К. Джонс С. Криттчер	Модель дезорганизации	Шесть уровней дезорганизации: 1) <i>структурное</i> – относительное распределение власти и ресурсов; 2) <i>политико-идеологическая деятельность</i> политических структур и групп влияния; 3) <i>культурное</i> – способы, которыми группы понимают социальный мир и свое место в нем; 4) <i>контактуальное</i> – динамика временных ситуаций как слухи и информация в СМИ; 5) <i>ситуациональное</i> – конкретный аспект собрания толпы; 6) <i>межличностное взаимодействие</i> – поведение, нарушающее неформальные правила взаимодействия между группами (Waddington et al., 1987)
Дж. Тернер П. Суке С. Хэслем В. Дэвид	Теория социальной идентичности	Основываясь на теории самокатегоризации, Тернер и др. утверждают, что социальное влияние возможно только на основе общего чувства идентичности (самокатегоризации) (Turner et al., 1997)
С. Рейхер Дж. Друри	Развитие теории социальной идентичности	Акцент – на формировании социальной идентичности временно формирующихся групп. Конфликт возникает, когда две группы имеют несовместимые идейные представления и когда действия одной группы считаются нарушающими права другой группы. Развитие конфликта соответствует изменениям в самокатегоризации (идентификации) группового образования и важности межгрупповой динамики в текущем развитии конфликта (Reicher, 1996; Drury, Reicher, 2000)

Анализ современных исследований массового поведения в разных вариантах массовых событий, в которых использовались предлагаемые выше теории объяснения массового поведения, вскрыл ряд важных тем (Соснин, 2011; Психологическое воздействие..., 2012; Психологическое воздействие., 2014). Сознание и поведение массовых групповых образований были признаны явлениями, зависящими от определенных условий – «зрителей», отдельных личностей, а также от динамики ситуационных массовых изменений окружающей среды (Slepicka, 1995).

Например, К. Янг (Young, 2002) пришел к выводу, что потребность болельщиков в установлении норм групповой идентификации (основанной на широком спектре факторов), по-видимому, является важным фактором массовой дезорганизации поведения. Б. Доусе с коллегами (Doosje et al., 2002), исследуя развитие групповой идентификации в ответ на предполагаемые или актуальные изменения в межгрупповой иерархии (в лабораторных условиях), пришли к выводу, что степень и природа выражения солидарности зависит от степени идентификации со своей группой.

Исследователям стало ясно, что массовое поведение необходимо понимать как *феномен межгруппового взаимодействия* с учетом различных перспектив динамики в ин-группах и аут-группах. Массовые скопления людей (толпы) с большей вероятностью вовлекаются в конфликт, когда конфликтное поведение считается законным, поскольку внешняя группа, по их мнению, нарушает должные нормы и практику социального поведения, или когда конфликт считается эффективным средством достижения желаемых целей ин-группы. Распространение конфликта было связано со степенью изменения в самокатегоризации социальной идентичности ин-группы и с неспособностью внешней группы дифференцировать наличие разных подгрупп в массовом групповом образовании (толпе). Межгрупповая динамика оказалась решающим фактором возникновения и развития массового конфликта.

Феномен возникновения «чувства силы» в ин-группе также был идентифицирован исследователями как важный фактор, оказывающий влияние на массовое поведение ин-группы. Силовые (конфликтные) действия членов ин-группы опирались на представления о «должной/правильной практике взаимодействия» (социальной норме) и ее нарушениях представителями аут-группы (на практике – представителями правоохранительных структур).

Дж. Друри и С. Рейхер на основе наблюдений отметили, что поскольку члены массового группового образования воспринимали поведение аут-группы как «незаконное», границы толпы начинали расширяться, и в ин-группу начинали включаться те индивиды, которые формально считались аутсайдерами (т. е. сторонними наблюдателями) (Drury, Reicher, 2000). Расширение границ массового группового образования приводило к возникновению феномена

«чувства силы» в массовом сознании толпы. В последующих работах этих исследователей феномен «чувства силы» толпы как фактор массовых коллективных действий был подвергнут дальнейшему анализу.

Современные теории психологии массового поведения в целом опираются: 1) на положение об изменяющихся нормах поведения людей в толпе; 2) на идею формирования ин- и аут-групп в процессе взаимодействия; 3) на решающее значение активности правоохранительных структур в условиях неизбежного риска возникновения противоправных действий в массовых групповых образованиях.

Многие исследования фокусировались на проблеме взаимодействия между группами. Возник опыт разработки данной проблемы в прикладном аспекте анализа массового поведения как противоправных действий ряда членов массовых групповых образований (Kemp, 2006). Появилась проблема понимания внутригрупповой динамики (как внутри толп, так и между ин-группами и аут-группами), особенно во взаимодействии со службами безопасности и полицией.

В целом обзор литературы по проблеме позволил констатировать ряд выводов об особенностях группового поведения в массовых скоплениях людей:

- 1) массовое поведение подвержено изменению в направлении к экстремистскому поведению;
- 2) люди вынуждены участвовать в возможных противоправных акциях в силу своего присутствия;
- 3) взаимодействие субъектов подвержено эмоциональному заражению, не всегда позитивному.

Каковы же механизмы массового поведения, их динамика и психологические детерминанты?

Представление о толпе рождается из личного опыта людей. Поддавшись простому человеческому любопытству, заражаясь общим настроением, люди постепенно превращаются в неорганизованное скопление масс, или толпу. «Толпой» современные исследователи считают бесструктурное скопление людей, лишенных общности целей, но связанных сходством эмоциональных состояний и общим объектом внимания (хотя протестные толпы могут иметь четкие идеологические цели своих выступлений).

Основным психологическим механизмом образования толпы является механизм циркулярной реакции и коммуникации. *Циркулярная реакция* – это взаимное заражение, т. е. передача эмоционального состояния на психофизиологическом уровне между членами толпы. *Процесс кружения* – это обострение эмоций в толпе и готовность эмоционально реагировать на информацию, излагаемую лидерами движений. Следующим важным элементом формирования и консолидации толпы является *появление нового объекта общего внимания*, и лидеры движений активно используют этот механизм. Последним этапом формирования толпы как психологического целого является *активизация членов толпы через возбуждение*, т. е. дополнительное их стимулирование через возбуждение представлений и эмоций, соответствующих воображаемому объекту или достижению целей собравшегося группового образования, транслируемое лидерами движений.

При формировании массового группового образования возникает *ядро толпы* – субъекты, задача которых сформировать, психологически консолидировать толпу и использовать ее разрушительную силу в своих интересах.

Участники толпы – субъекты, примкнувшие к ней либо в силу идеологических соображений, либо вследствие идентификации своих ценностных ориентаций с направлением действий толпы. Особую опасность представляют *агрессивные личности*, которые примыкают к

толпе исключительно из-за возможности дать разрядку своим невротическим и часто садистским наклонностям.

Добросовестно заблуждающиеся присоединяются к толпе из-за ошибочного восприятия обстановки. Они могут быть движимы ложно понятым принципом справедливости.

Кроме того, в толпе могут быть *повышенно внушаемые люди*, которые легко поддаются общему заражающему настроению, стихийным чувствам и поведению.

К толпе примыкают и *обыватели*. Они не проявляют особой активности, воспринимая ситуацию как зрелище.

И наконец, участниками толпы могут быть просто *любопытствующие* – наблюдающие со стороны. Они не вмешиваются в ход событий, однако их присутствие увеличивает массовость группового мероприятия и усиливает влияние стихии толпы на поведение ее участников.

В соответствии с логикой изложения, далее мы рассмотрим прикладные методы и технологии воздействия на массовое сознание и поведение. Естественно, в целом прикладное направление – разработка системы социально-психологического сопровождения, воздействия и влияния на поведение больших социальных групп (социальный контроль, психологическая поддержка, организация обратной связи и систем противодействия и т. д.) – требует отдельного междисциплинарного анализа с привлечением специалистов смежных наук, а также представителей правоохранительных органов. Поэтому ниже мы заострим внимание на развитии средств массовой коммуникации и изучение их влияния на массовое поведение людей. Данное направление исследований с позиций социально-психологической науки пока остается неразработанным (особенно с учетом развития интернет-технологий) и требующим от социальных психологов систематических усилий по его изучению.

Глава 3

Средства массовой коммуникации как канал воздействия на массовое сознание и поведение людей

Исследования, посвященные анализу влияния средств массовой коммуникации (СМК) на сознание и поведение больших масс населения, достаточно многочисленны. Предпринимаются попытки теоретического объяснения социальных процессов в обществе, связанных с влиянием СМК на общественное сознание населения и их ценностные ориентации (Perse, 2001, p. 1). Мак-Гуайр (McGuire, 1986) выделил широкий спектр воздействий СМК на сознание и поведение населения. Разные авторы связывают влияние СМИ на психологию массового поведения больших социальных групп с различными эффектами (Тард, 1902; Соснин, 1997; Лебон, Тард, 1998; Московичи, 1996; Ольшанский, 2001; Сэмуэлс, 2002; Соснин, Журавлев, 2014; Соснин, 2015; Бахтуридзе, 2016; Вершинин, 2001; Лобза, 2002). Отметим основные сферы воздействия СМИ, которые принято выделять в современной литературе:

- воздействие на политические кампании и голосование на выборах;
- эффекты пропаганды в идеологической сфере;
- эффекты социального контроля;
- протестные движения.

Кроме того, возникают «побочные эффекты» влияния СМК на сознание и поведение населения:

- влияние показа сцен насилия и агрессивного поведения;
- влияние на образовательную политику государства;
- влияние на формирование эмоциональных реакций населения на повседневное поведение.

Аналитический обзор Макквейла (McQuail, 1994) дополняет перечень воздействий СМК: это получение знаний, формирование социальных норм поведения и культурная адаптация в обществе. Например, некоторые исследователи убеждены, что ряд проблем связан с вопросами о том, как ТВ побуждает детей к антисоциальному поведению, как оно культивирует специфические социальные установки и стереотипы поведения, которые «не вписываются» в общепринятые нравственные нормы (Liebert, Sprafkin, 1988).

Выделяются и другие аспекты воздействия СМК на сознание и поведение больших масс населения, особенно на подрастающее поколение (Московичи, 1996; Соснин, 1997; Лебон, Тард, 1998; Ольшанский, 2001; Сэмуэлс..., 2002; Соснин, Журавлев., 2014; Соснин, 2015; Бахтуридзе, 2016).

В целом же влияние СМК на сознание и поведение больших масс населения традиционно описывается в трех аспектах: когнитивном, эмоциональном и поведенческом (в соответствии с представлениями о социальной установке). Когнитивные эффекты сопряжены с получением информации. Аффективные связаны с формированием установок, положительных или отрицательных оценок в отношении происходящих событий. Наиболее изученные виды поведенческих эффектов относятся к антисоциальному или просоциальному поведению. Представим анализ их воздействия на основные сферы массовой психологии населения.

СМК в кризисных ситуациях

Кризисная ситуация в обществе обычно трактуется как «естественное или созданное людьми событие, которое определяет угрозу жизни людей и нормальному функционированию общества» (Graber, 1989).

Кризисная ситуация в обществе может возникать под воздействием разных тенденций – и внешних, и внутренних. Это может быть: убийство лидера страны; возникновение угроз со стороны внутренних сил, – например, захват заложников; ситуация массовых естественных катастроф – землетрясение, наводнение и т. д.; этнические конфликты и погромы (Кондопога, Манежная площадь и пр.); внутренние конфликты (события в Египте, террористическая активность в стране, возникновение массовых протестных движений и т. д.).

Независимо от причин возникновения кризисной ситуации в стране и времени ее возникновения это экстраординарный период, который характеризуется нестабильностью, неопределенностью, стрессовым состоянием общества и эмоциональной напряженностью (Панарин, 1998; Тарабрина, Журавлев, 2012; Проблемы психологической безопасности, 2012). В этой ситуации общество начинает опираться на информацию, предоставляемую СМК, которые формируют реакцию населения на ситуацию кризиса³.

Первая стадия – это назревание кризиса или угроза наступления политической нестабильности (на примере потенциальной возможности оппозиционных лидеров мобилизовать большие массы населения и выйти с протестами на площадь). На этой стадии (формирование кризисной ситуации) неопределенность ситуации самая высокая и угрозы последствий трудно прогнозировать. Как ведут себя в этой ситуации СМК? На данной стадии СМК, с одной стороны, реагируют быстро, информируя о разрозненных фрагментах событий, с другой – постоянно откладывают объективное освещение происходящего (подогревая психологическое состояние заинтересованности населения в получении информации). Это особенность функционирования СМК как структуры.

Вторая стадия – это наступление кризисной ситуации. Здесь СМК стремятся полно освещать события (на Болотной площади это видеокadres столкновения протестующих с правоохранительными органами, с определенным скрытым одобрением их поведения, одобрением и интерпретацией действий оппозиции в целом).

В целом во время кризиса влияние СМК на сознание и поведение больших масс населения драматически возрастает (см., напр.: Schramm, 1965). Так, Э. Венгер (Wenger, 1980) в своем исследовании обнаружил следующее. Представители сообществ, пережившие кризисные события (естественные катастрофы, наводнения, землетрясения и т. д.), опирались на информацию, представляемую СМК в период этих катастроф. Он отмечал, что для многих из них СМК были не только важным, но и единственным источником информации (Wenger, 1980, p. 243). Респонденты главным образом опирались на информацию электронных СМК, считая их наиболее объективными, от 58,3 % до 74,6 % респондентов назвали радио и ТВ основными источниками информации в период кризиса.

Влияние СМК на насилие в обществе

Озабоченность исследователей проблемой распространения насилия в СМК давно известна (см., напр.: National Television Violence Study, 1997). Трансляция страха и насилия сопровождает многие новостные сообщения, драматически влияя на формирование ценност-

³ Массовые протестные выступления населения в определенном смысле можно рассматривать как показатель кризиса в обществе, поскольку в такой ситуации присутствуют все признаки кризиса, отмеченные выше.

ных установок и на психологическое состояние больших масс населения (Perse, 2001; и др.). Подавляющее число компьютерных игр связано с показом сцен насилия (Funk, 1993).

Имеющиеся теоретические подходы к объяснению агрессивного поведения в целом взаимно дополняют друг друга.

В когнитивном плане люди не только получают информацию, наблюдая сцены насилия по ТВ, но усваивают увиденные модели агрессивного поведения и применяют их в своей повседневной жизни.

Есть исследования, подтверждающие, что «насильственный медиаконтекст» передач СМК отрицательно воздействует на психику детей и может оказывать стойкие негативные влияния на их здоровье, развитие и благополучие (см., напр.: Mares, 1996; Shrum, 1997; Morgan, Shanahan, 1997). В целом в исследованиях массовой коммуникации большинство ученых признают, что СМК несут свою долю ответственности за распространение сцен агрессивного поведения среди населения:

- когда насилие вознаграждается и психологически оправдывается;
- когда агрессивное поведение считается нормальным в повседневной жизни;
- когда аудитория ассоциирует себя с агрессором (в соответствии с замыслами режиссера);
- когда насилие мотивировано (восстановление справедливости);
- когда насилие представляется как естественный компонент поведения;
- когда нет достаточного критицизма в отношении насилия в обществе;
- когда аудитория (население) психологически предрасположено в своем поведении к агрессии.

Исследователи влияния насилия в медиаконтексте передач СМК предлагают ряд рекомендаций к уменьшению их негативного воздействия. Необходимо отметить, что, по мнению многих исследователей, просоциальное воздействие СМК на сознание и поведение больших масс населения намного сильнее, чем негативные эффекты в целом: «Просоциальный эффект (воздействия СМК на поведение. – В. С.) намного сильнее в его влиянии на детей... Потенциальное про-социальное воздействие превосходит негативные последствия антисоциальных программ»⁴ (Hearold, 1986).

В целом исследования подтверждают негативное влияние сцен насилия на психологическое развитие подрастающего поколения страны (см., напр.: Huston et al., 1992; Gunter, 2001, 2003; Gunter et al., 2000; Harris, Scott, 2002).

С другой стороны, СМК формируют ценностные отношения людей к событиям повседневной жизни, и в том числе к ситуациям массового протестного поведения. СМК драматически влияют на массовое сознание и поведение больших масс населения: дают нам идеи, изменяют наши ценностные установки, формируют «правильное» понимание того, что собой представляет современный мир и как нам следует вести себя (Лайнбарджер, 1962; Соснин, 1993, 1994; Московичи, 1996; Соснин, 1997; Лебон, Тард, 1998; Почепцов, 2000; Ольшанский, 2001; Аронсон, 2003; Сэмюэлс, 2002; Ариели, 2013; Соснин, Журавлев, 2014; Соснин, 2015; Бахтуридзе, 2016). Но это не что иное, как технологии воздействия на массовое сознание и поведение людей для реализации глобальных интересов основных субъектов исторического процесса (Ling, 2008).

Таким образом, необходимы фундаментальные исследования психологического восприятия виртуального пространства, является актуальным изучение влияния компьютерных игр

⁴ С этим мнением западных психологов трудно согласиться, учитывая современную динамику влияния СМК на массовое сознание и поведение больших масс населения, особенно на подрастающее поколение, если рассматривать влияние Интернета на массовую психологию поведения.

на массовое агрессивное поведение, влияния Интернета на политическую активность населения.

Роль СМК в развитии скандалов и провокаций

Исследований, посвященных данной проблеме, достаточно много. Зададимся вопросом: как психологические технологии провокации и скандалы используются в качестве мотиваторов в современном информационном пространстве? Анализ истории политических скандалов и провокаций можно начинать с XIX в. (Париж 1847 г., революция Ф. Орландского и т. д.). Современная политическая динамика скандалов международного плана проанализирована М. Каstellсом (Castells, 2009, p. 243–253).

Рассмотрим проблематику скандала как социально-психологического феномена с позиций социальной психологии.

Развитие любого государства и в периоды его стабильного функционирования, и в периоды кардинальных перемен сопряжено с конфликтами и на социально-политическом, и на социально-психологическом (групповом), и на индивидуально-личностном уровнях. Феномен конфликта-скандала в социальной жизни общества – это объективная составляющая логики развития любого общества. Он имеет комплексный характер и функционирует на всех общественных уровнях.

Исследование этого феномена (и концептуально-терминологический язык его описания) существенно зависит от области науки (философии, социологии, психологии), в которой оно проводится.

Социологи рассматривают эту проблему с позиций факторов и детерминант развития общества. В целом на основе анализа источников ими предложен следующий вариант определения концепта «скандал»: «Скандал – это событие, связанное с нарушением общепринятых норм известными людьми (публичными людьми. – В. С.) и вызывающее острую реакцию социальных групп» (Дмитриев, Сычев, 2012, с. 11). Можно добавить: в понимание скандала как конфликта включается «случай, происшествие, ссора, получившие широкую огласку (нарушающие порядок руганью, дракой и т. п.» (там же).

Но к анализу проблемы скандала возможен другой подход: рассмотреть данный феномен не просто как «получивший широкое публичное освещение инцидент, связанный с заявлениями о правонарушениях, позорных и аморальных поступках» (там же, с. 10), а как феномен социального конфликта (Соснин, 1993, 1994). Такой подход позволяет подойти к анализу феномена скандала с системных представлений и использовать методологический аппарат, разработанный в социальной психологии конфликта (см., напр.: Левицкий и др., 2006).

Конечно, данный анализ должен опираться на базовые представления философов, конфликтологов и социологов по этой проблематике, поскольку социальные психологи не могут осуществлять свой анализ «в вакууме». Положения социологов – это фундаментальная основа для анализа социальных психологов.

Далее мы проанализируем феномен скандала с позиции социальной психологии конфликта. Для этого выделим общие и специфические функции феномена скандала как формы (типа) социального конфликта и обозначим формы регуляции и разрешения скандалов на разных социальных уровнях, делая акцент на социополитических и социально-психологических аспектах данного феномена в современных условиях развития России.

Прежде всего определим конфликт как социальный феномен в социальной психологии. Одно из многочисленных определений таково: конфликт – это резкое несогласие или противопоставление интересов, идей и т. д. участников социального взаимодействия. Он включает в себя осознанное расхождение их интересов или уверенность в том, что наличные желания сторон не могут быть достигнуты одновременно.

Обычно люди считают, что конфликт (скандал) – это однозначно негативное или дисфункциональное явление. Данные представления в сознании человека (и группы) имеют два аспекта: во-первых, это ощущение того, что что-то происходит неправильно (с точки зрения социальной справедливости) или что есть ряд проблем, требующих разрешения; во-вторых, скандал (конфликт) может повлечь за собой разрушительные последствия. В таком понимании сказывается логика здравого смысла и находят отражение защитные реакции человека и группы на стрессовые ситуации скандала. Но «на уровне общества скандалы, когда их слишком много, не только дисфункциональны. В какой-то степени они служат повышению морали... Таким образом, скандалы воспитывают политиков и все население» (Дмитриев, 2012, с. 19). Однако, разумеется, лучше бы воспитывать население не на отрицательных примерах, а на положительных.

Исследователи тщательно проанализировали ряд деструктивных функций конфликта-скандала, отражающих социально-психологическую динамику его развития. Обозначим их.

1. *Процесс конкуренции.* Стороны (субъекты – отдельные индивиды, политические деятели, представители власти и бизнеса и т. д.) конкурируют друг с другом. Каждая из них считает, что ее жизненные цели и задачи правильны и что она не сможет достичь их реализации, не уничтожая оппонента (конечно, не обязательно физически). Таким образом, конфликт, скандал как следствие конкуренции может служить инструментом противоборства и вести к дальнейшей эскалации противостояния.

2. *Проблема предубеждения.* По мере интенсификации внутреннего психологического противостояния сторон понимание их взаимоотношений начинает искажаться. Этот аспект психологической динамики взаимоотношений потенциальных оппонентов означает, что субъект (отдельный индивид или представитель группы) склонен рассматривать ситуацию взаимоотношений с оппонентом в соответствии со своими взглядами. Следовательно, он (как отдельный индивид или представитель группы) начинает интерпретировать события или поведение других людей как оказавшихся на его стороне или на стороне противоположной.

3. *Проблема эмоционального реагирования.* Скандалы и конфликты имеют тенденцию приобретать эмоциональную нагрузку. И это вполне объяснимо. Эмоции начинают превалировать над рассудком, потенциальные оппоненты скандала начинают вести себя все более и более иррационально, опираясь на эмоции. Происходит сдвиг с обсуждения сущности проблемы на личности оппонентов.

4. *Проблема коммуникации.* При возникновении скандала, конфликта коммуникация между субъектами скандала ухудшается: она может быть сведена к попыткам уничтожить, унижить или разоблачить точку зрения противоположной стороны или прибавить весомости своей позиции (как правило, через СМИ).

5. *Жесткая приверженность своим обязательствам.* Стороны замыкаются на своих позициях. Реагируя на вызовы оппонентов, они все более отстаивают свою точку зрения и все менее готовы отступить от нее из страха «потерять лицо».

6. *Проблема минимизации сходства, умножения различий.* Когда стороны замкнулись на своих позициях, обсуждение сущности конфликта становится расплывчатым, оппоненты начинают проявлять тенденцию рассматривать друг друга – и позиции друг друга – как диаметрально противоположные. Факторы, отличающие и отдаляющие субъектов скандала друг от друга, становятся главными в их взаимоотношениях, тогда как сходство и общность чрезмерно минимизируются. Подобное искаженное понимание ведет к убежденности сторон скандала в том, что они гораздо дальше друг от друга, чем это может быть в действительности. Поэтому они начинают предпринимать еще большие усилия, чтобы «выиграть» конфликт или достичь победы в возникшем скандале.

7. *Эскалация конфликта-скандала.* Когда перечисленные выше этапы развития конфликтной ситуации (скандала) пройдены, каждая сторона еще больше замыкается на своей точке зрения, становится менее толерантной и более агрессивной, более эмоционально вовлеченной в скандал и менее склонной общаться с оппонентом. Итог: обе стороны конфликта (скандала) пытаются победить, усиливая приверженность своей позиции и увеличивая свои ресурсы, которые они готовы привлечь для достижения «победы». Обе стороны становятся уверенными в том, что, добавив еще немного (ресурсов, стойкости, энтузиазма, энергии и т. п.), они смогут принудить соперника капитулировать, сдаться и признать свое поражение. Однако, как показывают наиболее деструктивные конфликты и скандалы, подобная стратегия заводит обе стороны в тупик.

Конечно, выше представлена социально-психологическая динамика развития *деструктивного* конфликта-скандала. Однако социальные психологи и исследователи, утверждают, что конфликт (и феномен скандала как одна из его форм) может иметь и *конструктивные* функции как для развития общества в целом, так и социальной организации и развития личности индивида (Deutsch, 1973).

В принципе, конфликт (и скандал как его форма) имеет черты и деструктивные, и конструктивные, поэтому основная задача – не просто устранять конфликт, но научиться управлять им. Это означает – оставлять деструктивные элементы динамики конфликта-скандала под контролем, а позитивные использовать для его конструктивного разрешения. Стратегия переговоров – самая продуктивная стратегия управления скандалами.

Конструктивные функции конфликта-скандала заключаются в следующих его свойствах:

- 1) дает членам групп (сообществу в целом) знания и способы для работы с проблемами;
- 2) может укреплять консолидацию отношений в обществе (хотя и не всегда позитивную, но в целом ориентированную на укрепление социальной справедливости);
- 3) показывает необходимость дальнейшего развития индивида и группы;
- 4) может доставлять удовлетворение человеку. Позволяет оценить свою жизнь философски, признать ее сложность и противоречивость.

Теперь соотнесем общие параметры психологии социального конфликта, изложенные выше, с феноменом скандала как его формы. Эти концепции хорошо «вписываются» в содержание анализа феномена скандала, проведенного А. В. Дмитриевым (Дмитриев, 2012, с. 4–27). Феномен скандала является комплексным и может быть рассмотрен на трех уровнях: 1) как социополитический феномен, преимущественно анализируемый философами, конфликтологами и социологами; 2) на социально-психологическом уровне (анализ динамики взаимоотношений групп общества); 3) на индивидуально-личностном уровне (как анализ конфликтов-скандалов между отдельными личностями)⁵

⁵ В политической борьбе этот аспект скандалов также «выносятся» на социально-политический уровень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.